

КОМУНІКАТИВНА ЛІНГВІСТИКА

УДК 811.111'37
ББК 81.432

НОМИНАТИВНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ: КОНТРАСТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

ШВАЧКО С.А.

Сумский государственный университет

В статье исследуется вопрос сопряженности номинативных и коммуникативных единиц, их интеграции в модусах речи и речевой деятельности. Идентифицируются общие черты номинативных и коммуникативных единиц в статусе языковых составляющих. Общие и сходные черты исследуемого объекта анализируются в русле эпидигматического бытия – на словообразовательных и семантических векторах. Контрастивные аспекты изучаются на материале поверхностных и глубинных структур номинативных и коммуникативных единиц в статусе семиотических знаков. Обращается внимание на процессы эволюции, инволюции, на частеречные трансформации, морфологические и синтаксические модификации. Тексты малого жанра являются предметом комплексного анализа. Фокусируется вопрос диады мышление::язык, их полифункциональности, полиаспектности, исследование которых представляется особенно валоративным в условиях действующей лингво-когнитивной парадигмы.

Ключевые слова: алломорфизм, номинативные единицы, коммуникативные единицы, семиотические знаки, интеграция, язык, речь, контрастивные аспекты, общие и отличительные черты.

The article in question deals with Nominative and Communicative units, their integrity in aspects of Speech and Speech Activities. Their common and distinctive features in terms of language modus are focused upon. Epidigmatic features are being sought after on the world-building and semantic vectors. Contrastive analysis considers outer and inner structures of the investigated objects. Nominative and Communicative units as semiotic signs are being analyzed in the domain of their evolution and involution processes, their morphological and syntactical modifications. Small stories of practical and impractical charge make the key item of the article. Diad Thinking::Language are considered in terms of polyfunctionality and polyaspectedness. The investigation of the latter is of great linguo-cognitive vistas.

Key words: allomorphy, nominative units, communicative units, semiotic signs, integration, language, speech, contrastive aspects, common and distinctive features.

Не бывает коммуникативных единиц (КЕ) без номинативных (НЕ). НЕ (слова и словосочетания) оживают в КЕ (высказываниях и текстах). Номинативные и коммуникативные единицы отмечены полиаспектностью и полифункциональностью, которым присущи общие и отличительные черты. Актуальность темы объективируется модификацией современной научной парадигмы, возросшим интересом лингвистов к модусам Язык – Речь – Речевая деятельность, к системности, ее составляющих [3; 4].

Изучение природы НЕ и КЕ способствует осмыслению законов лингвистического динамизма, антропоцентризма, адаптивности и креативности. Слова и словосочетания принадлежат языку, предложения и тексты – речи. НЕ и КЕ, как семиотическим знакам, присущ симбиоз семантики, прагматики и синтактики, поверхностных и глубинных структур, процессов

компрессии и декомпрессии. Слова и словосочетания модифицируются по языковым паттернам сокращения, аббревиации и словосложения. Ср. англ.: *happy > happily, one > only, emotion > emotive, competition > compete, master > Mr., quite > q.t., also > as* [6].

В лингвистической литературе особое внимание обращается на проблему лексической, грамматической, фразеологической типологии, а также на – текстовую идентификацию феномена синкретизма, полифункциональности в отдельных и в сравниваемых языках. Типологический подход к объектам порождает новые теоретические положения, тенденции, раскрывает природу типов в языке или в языках, их атрибутов универсальности, изоморфизма и алломорфизма.

По смысловому содержанию и выполняемой в предложении функции лексические единицы английской и русского языков распределяются на четыре класса. К первому классу относятся слова, обладающие полной семантической структурой. Это – существительные, смысловые глаголы, прилагательные, числительные, некоторые наречия (недейктические): англ.: *place, evening, letter, succeed, thousand, beautifully, feel, normal, dog*; русск.: *время, последний, состояние, мириться, тысяча, навсегда, черный, безнадежно, совершать*. Ко второму классу относятся лексически неполнозначные слова – собственные имена, географические названия – англ. *John, London, Thames*; русск. *Иван, Ярославль* и т.п. К третьему классу относятся слова-заместители, не имеющие своего собственного предметно-логического содержания, слова с импликацией лица, предмета, места, направления. В научной литературе они именуются дейктическими знаками: англ.: *I, this, there, yesterday*; русск.: *я, тот, здесь, завтра*. К четвертому классу принадлежат связочные слова – связки, предлоги, союзы, частицы, артикли. Соотношение классов слов предопределяет структуру вокабуляра и составляет отличительную черту любого языка. При сопоставлении употребляемости полнозначных и неполнозначных слов обнаруживаются общие и отличительные черты рассматриваемых здесь лексиконов.

В английском языке связочные слова встречаются чаще, чем в русском, что является маркером аналитического строя английского языка [5, с. 40–46]. Существует два основных типа синтаксических связей между словами – сочинение и подчинение. При сочинении связь между словами характеризуется равноправной зависимостью, при подчинении слова вступают в отношения, характеризующиеся неравноправной зависимостью. Отношения синтаксического неравенства выражаются подчинением, которое указывает на зависимость одного из соотносящихся слов от другого: англ. *to sing (how?) merrily, to think (of what?) of the danger*; русск. *идти (как?) пешком, надеяться (на что?) на лучшее*. В английском и русском языках подчинительная связь представлена согласованием, управлением и примыканием. В английском языке подчинительная связь имеет ограниченную сферу употребления, отсутствует категория рода, слабо представлена падежная система и категория числа.

Согласование в английском языке мы наблюдаем:

а) между указательным местоимением и существительным: *this book – these books, that student – those students*;

б) между неопределенным артиклем и существительным (во множественном числе неопределенный артикль отсутствует): *a pen – pens, a pencil – pencils*;

в) между подлежащим и сказуемым (в числе и лице): *I go, he (she, it) goes, we (you, they) go*.

г) между формами глагола главного и придаточного предложения: *Gabriel asked who was playing up there* (Maugham). *He asked if she heard him* (Lawrence).

В русском языке подчиняющее и подчиненное слова согласуются в роде, числе и падеже. Общим для сопоставляемых языков является то, что синтаксические связи слов основываются на принципах семантической сочетаемости типа англ. *great man, big house*; русск. *дубовая роща, веселый человек*.

Следующим видом подчинительной синтаксической связи является управление (*government*), которое состоит в том, что выбор подчиненного слова, его формы зависит от свойств подчиняющей его лексемы. Например: англ.: *to take interest in smth.*; русск. *любоваться видом, касаться этого вопроса*. Типы подчинительной синтаксической связи – согласование, управление и примыкание – имеют разную степень распространения (употребления) в английском и русском языках. Русскому языку присуща больше всего связь согласования, в то время как английскому – связь примыкания и управления. Высокая частотность употребления связи согласования в русском языке (60%) объясняется развитой флективной системой языка [5, с. 119–126].

Существует определенная зависимость между порядком слов в предложении и структурой языка. В английском языке используется прямой и обратный порядок слов. Большая грамматическая весомость порядка слов в английском языке приводит к тому, что инверсия приобретает специальное синтактико-стилистическое значение, являясь одним из эмфатических средств передачи мысли: *Out came the chaise, in went the horses, on sprang the boys, in got the travelers* (Ch. Dickens) [5, с.126–130].

Существительным, прилагательным, наречиям и глаголам английского и русского языков свойственны некоторые общие модели и конструкции, наполнение которых существенно отличается в сопоставляемых языках, что детерминируется его семантическим и формальным дизайном (в английском языке обособляется проблема *stone wall, rose garden*).

Ср. модели сочетательности английского языка [5, с.130–132]:

СК-1 – сочетание существительного с определением (прилагательным, причастием, местоимением, числительным): *warm greetings, dense population, his success, two men*;

СК-2 – сочетание существительного с предложным оборотом: *a specialist in, chest diseases, the roof of the house, the end of the street, a cloud in the sky*;

СК-3 – сочетание существительного с придаточным предложением: *the news that you brought, probability that they will succeed certainty that he will come*;

СК-4 – сочетание существительного с инфинитивом или инфинитивной группой: *desire to be appointed, the amount to be paid, delivery to be made*.

Среди сочетаний, где главным членом выступает прилагательное, выделяются следующие конструкции:

ПК-1 – с инфинитивом: *anxious to go*;

ПК-2 – с предложным оборотом: *ready to serve, glad to see, proud of having, fond of books, rich in resources*;

ПК-3 – с придаточным предложением: *glad that you succeeded, sorry; I can't come, afraid I don't know*;

ПК-4 – с наречием: *very glad, very interesting, almost softly*.

Общими для сопоставляемых языков являются конструкции глагола:

ГК-1 – с существительным: *to name their son, to call a dog, to show a picture, to explain the difficulty*;

ГК-2 – с инфинитивом: *come to see, wait to hear, stop to say, want to go*;

ГК-3 – с придаточным предложением: *I wonder why he has come, I don't mind where we go*;

ГК-4 – с наречием: *to turn back, to rise early, to go anywhere*;

а также конструкции наречия:

НК-1 – с наречием: *very well, very fast*;

НК-2 – с существительным: *quite a child, almost a man*.

Модификации подлежат НЕ и КЕ. Модификация текстов прослеживается в представленности заглавий, аннотаций, пересказов, афоризмов, интертекстуальности, в процессах лексикализации

и грамматикализации, в создании новых слов и формантов [6]. Так, английская лексема *ten* превратилась в суффикс *-teen* (*thirteen, fourteen*), который (суффикс) стал исходной единицей для лексических дериваций *teeners, teeny, in (her) teens*.

Модификациям подвержены поверхностные и глубинные структуры слов, словосочетаний и текстов [6]. Ср. русск.: *Идут за измами измы* (В. Маяковский). Релевантным является феномен терминов (“слуги двух господ”). Например, производные от единиц наивной картины мира дименциональные слова типа англ. *foot, ell, span* вовлечены в процесс семантической эпидигматики. Подобное явление наблюдается и в кластерах словосочетаний типа англ.: *The White House, green envy, green house*. В текстах иронического наполнения переосмысление (семантический сдвиг) основывается на игре слов, модификации исходных позиций. В стихотворении *No enemies* заглавие контрастирует с финальной фразой, которая имплицитно выражает авторское отношение к двуличным людям (*yes people*). Выражение *Veni, vidi, vici* в переводе представлено неожиданным вариантом русск. *Пришел, увидел, помолчи*. Замена последнего слова неэквивалентной лексемой придает изречению несерьезный, юмористический характер. Этот механизм срабатывает при расширении и сворачивании исходных НЕ и КЕ, при использовании дополнительных элементов. Ср. англ.: *not tide, but very tide*; русск. *Не чистый, а очень чистый*. Интенсификаторами в речи выступают и слова негации. Ср. англ.: *All day round service **but** now; a friend in need is **not** a friend in deed*. Здесь десемантизация исходного предложения верифицируется негативной лексемой *not/nem*. Процесс негации предполагает использование частного и общего отрицания. Ср. англ.: *I have lived there **not** five years :: I have **not** lived there five years*.

Отрицание (кого-то, чего-то) вербализируется отрицательными маркерами. Ср. русск.: *никто, ничто, нигде, никуда*; англ. *none, nowhere, nothing, nooner*. В предложениях отрицание при предикате превращает смысл исходной конструкции в свою противоположность. Ср. англ.: *I love not man the less but nature more; I am not unwell*. Затруднительными для осмысления являются фразы типа русск. *Да нет, нет да*. Явление энантиосемии коррелирует со скрытой негацией, семантическим сдвигом, полисемией, модификацией, требующих особого толкования. На эпидигматическом векторе имеют место денотативные и коннотативные сдвиги: исходные параметры меняются путем отрицания того, что было в исходных формах. Сема отрицания актуализируется в словах и предложениях: это универсальное правило действует по принципам локальности и всеобщности. Отрицательные элементы – частицы, местоимения и аффиксы при НЕ, частицы, местоимения при КЕ актуализируют семантический антипод исходных единиц. Извлечь, убрать их из производных – значит лишить дериваты прагматически вербализованных интенций адресанта. НЕ, семантизирующие феномен отсутствия, негации, пропусков, ассоциируют с явлениями пустоты, лакуарности, отрешенности от реального мира с эффектом “Чего-то нет” на фоне того, что имеет место в действительности, в зоне ирреальности, вымышленности. Отсутствующие денотаты экстериоризируются, оязыковываются монолексемно и полилексемно.

Модификации подвергаются НЕ и КЕ в условиях отрицательных конструкций – при заменяемости КЕ → НЕ и наоборот НЕ → КЕ:

Don't touch me! → Don't-touch-me look;

Give me my money back or I'll kill you! → Give-me-my-money-back-or- I'll- kill- you expression;

People come and go → come-and-go people;

Good bye → God be with you;

SOS → Save our souls.

Общей для НЕ и КЕ является тип модификации слов, детерминируемой близким окружением: *small beer/свежее пиво, small change/мелкие деньги, small comfort/небольшой комфорт, small*

deer/молодое поколение, small hours/утренние часы, smart aleck/самоуверенный проходимец. Несинонимичность грамматических паттернов объективируется семантикой лексических заполнителей. Ср. англ.: *He paused to drink :: He paused drinking.*

Модификация НЕ и КЕ происходит в условиях бивекторности линейных и нелинейных парадигм на разных языковых уровнях. Общность НЕ и КЕ заключается в силе их синергетизма, в феномене самоорганизации, самостановления и самоконтроля (наличие информации, материала и энергии), действующих в модусах Языка – Речи – Речевой деятельности. Значимость исследования, в частности, дихотомии Слово :: Малые тексты определяется не объемом объектов, а значимостью последних для разрешения поставленных проблем на материале разновекторных единиц.

Тексты, как и номинативные единицы, открыты процессам сокращения и пролонгации, например, в сериалах, комментариях, текстах-домыслах. Как и слова, малые тексты (пословицы, изречения, рифмовки, загадки) относятся к готовым воспроизводимым единицам. Изменяемость и производность НЕ и КЕ каузируют появление вторичных образований, которые подвергаются семантическим сдвигам: от серьезного к несерьезному, от буквального к фигуральному, от практического к непрактическому, от очевидного к мистическому, от торжественного к юмористическому. Производность на уровне формальных модификаций прослеживается в корреляции притч и пословиц. Ср. англ.:

*Any would not work, neither should he eat (Bible) → He who doesn't work, neither shall he eat;
A prophet is not without honor, save in his own country, and in his own house (Bible) → There is no prophet in the native country.*

Модифицированные пословицы приобретают вторичное дыхание. Ср. англ.:

*Two is company, three is none (O.Wilde) → Three is company two is none;
A wolf in sheep's clothing → A sheep in sheep's clothing (Goose);
A devil is not so black as it is painted → Most women are not so young as they are painted (Beerholm).*

В текстах-дериватах весомой является замена лексических единиц. Во вторичных юмористических текстах адресанты прибегают к процессам сокращения, пролонгации и гиперсемантизации. Появлению новых “сентенций” предшествуют творческие поиски, интенции поделиться с партнерами интеллектуальной находкой, повлиять на поведение читателей. Временные и пространственные параметры авторских юмористических изречений (АЮИ) носят характер панхротоба. Абсолютный антропоцентризм АЮИ проявляется во взаимодействии коммуникантов. АЮИ представляют собой алогичное, нестандартное, неожиданное развитие авторской мысли [2]. Ср. англ. *When a man teaches something he doesn't know himself to somebody else who has no aptitude for it, and gives him a certificate of proficiency, the latter has completed the education of a gentleman (B. Shaw).*

Неоднозначная представленность новой рече-мысли, ее дистанцирование от исходного материала объективирует появление новых модифицированных конструкций, полных контрастов и неожиданностей. Ср. англ.:

You will never write a good book until you have written some bad ones (B. Shaw);

The only way to get rid of temptation is to yield to it (O. Wilde);

A dentist at his work in vocation always looks down in the mouth (Prentice).

Игра мыслью, предыдущим опытом, устоявшимися традициями материализует нетривиальные суждения-инновации, создает юмористические эффекты. Среди текстов малого жанра особое место занимают максимы, изречения выдающихся людей, в которых в сжатой форме реципиенту предлагается особое видение окружающего мира [2]. К текстам малого жанра относятся афоризмы, парадоксы, басни, грегории. Грегерии – интересные, остроумные изречения. Ср. метафраза *красное слово, итришок*. Термин *грегерии* ввел в лингвистику

Р. Гомес, который (термин), по его замечанию, близок японскому хокку (зарисовка с натуры в прозе). К грегериам относятся изречения из произведения “Плоды раздумья” К. Прудкова. Ср. русск.:

*Скрывая истину от друзей, кому ты откроешься?
Эгоист подобен давно сидящему в колодце.
Где начало того конца, которым оканчивается начало?
Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя.
Вакса чернит с пользой, а злой человек – с удовольствием.*

Р. Гомес к грегериам соотносит остроумные определения с обыденной, будничной тематикой, а также – с изречениями народной этимологии. Ср. русск.:

*Жирафа – лошадь, преображенная любопытством.
Авторучки непослушны, как дети, – то не могут, то не хотят писать.
В потемках стулья так и норовят подставить хозяевам ножку.
Бензин – ладан цивилизации.*

Ср. смешные двустишия Анатолия Вассермана:

*– Я мыслю, значит существую,
А вот обратное – не факт.
– “Почти пришли”, – сказал Сусанин,
кокос срывая на ходу.
– Идите в баню, а оттуда –
на самолет и в Ленинград.
– Не слушай внутренний свой голос –
он тут снаружи не бывал.
– Сегодня не в свою тарелку
зачем-то встал не с той ноги.*

АЮИ “не уживаются” с традицией, они глубоко индивидуальны, рассчитаны на ошеломляющий эффект изоощренных противоестественных мыслей. Принципы кооперации по Грайсу частично срабатывают в АЮИ: действенными остаются атрибуты информативности и релевантности, максимы правды и манеры (ясности) носят условный характер. Нарушение постулатов обуславливается коммуникативно-прагматическими установками, средствами их вербализации [1]. Малые тексты – это не только доноры творческого шарма, это не только эхо прошлого; это – энigmatическое явление, объект научного изыскания, поиска скрытых имманентных тенденций на векторе Язык – Речь – Речевая деятельность. Тексты малой формы не ограничены объемной параметризацией. Это – не лилипуты, а доноры для создания несерьезного, комического и окказионального. Среди метазнаков в научной картине мира обособляются термины *малый жанр, малая форма, малая проза. Малая форма* ассоциирует с нехудожественными текстами типа задачи, объявления, инструкции.

Гетерогенность текстов является очевидной в их атрибутах: *большой / малый, серьезный / несерьезный, информативный / неинформативный, практический / непрактический, вербальный / невербальный, эмоциональный / неэмоциональный, логичный / алогичный, устный / письменный* и др. Любой текст – это элемент культуры (Что думаем? Что делаем?), результат канонизированной традиции. Текст коррелирует с игрой по содержанию и с ритуалом – по форме. В АЮИ срабатывают дихотомии данное :: новое, известное :: неизвестное, тривиальное :: нетривиальное, важное :: неважное, типичное :: нетипичное. В нетипичных текстах семантическая автономность по убыванию представлена последовательностью: афоризмы, пословицы, загадки, лимерики, скороговорки, которым не присущи сюжетность и ригористичность [6]. Загадки, тексты малого жанра, валоративны для верификации формальных и содержательных структур, модификации исходных позиций

вторичного конструювання гетерогенних тематических блоків, для различення поліфункціональності, находчивости, оценки мудрости, зрелости, жизненного опыта, для регулювання когнітивного процесу – атрибута зони соціалізації. Эти черты актуалізуються також в іграх *Quiz* Що? Где? Когда? Специфіка загадок заключається в реверсії блоків теми (іскомої величини) и реми (отмеченных маркерів-признаків).

Поліфункціональність мови не викликає сумнівів. Лінгвокреативна функція займає домінуюче місце в статусі поліфункціональності, асоціює з одноіменним мисленням в процесі генерації нових ідей і аксіологіческих оцінок. Співняння НЕ і КЕ верифікує їх взаємозв'язок в лінгвокреативній діяльності, в процесу конвенієнції і дивергенції (*they go together but apart*).

Таким образом, в роботі зосереджено увагу на вічному двигателі мови (*perpetum mobile*), на синкретизмі НЕ і КЕ, їх епідигматическому бутті (формальних і семантических девіаціях), на принципі постійної динаміки, так як ми не будемо мову, а його достраиваємо (за словами А.А. Потебні).

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Вопрос диады Мышление : Язык, их поліфункціональності і поліаспектності представляється вельма валоративним в умову діяуючої сучасної лінгво-когнітивної парадигми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грэйс Г.П. Логика и речевое общение / Герберт Пол Грэйс // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – Вып. 16. – 316 с.
2. Кобякова І.К. Креативне конструювання вторинних утворень в англословному дискурсі / Ірина Карпівна Кобякова. – Вінниця : Нова книга, 2007. – 128 с.
3. Кочерган М.П. Основи зіставного мовознавства / Михайло Петрович Кочерган. – К. : Академія, 2006. – 424 с.
4. Манакін В.М. Про “семантичні примітиви” та еталони порівняння в зіставному мовознавстві / Мова. Людина. Світ. Збірник наукових статей до 70-річчя М.П. Кочергана / відп. ред. О.О. Тараненко. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2006. – С. 204–212.
5. Швачко К.К. Введение в сравнительную типологию английского, русского и украинского языков : учебное пособие для студентов педагогических институтов и факультетов иностранных языков / К.К. Швачко, С.А. Швачко, П.В. Терентьев, Т.Г. Янукян. – К. : Вища школа, 1977. – 117 с.
6. Швачко С.О. Сяйво забутих слів : монографія / Світлана Олексіївна Швачко. – Суми : Сумський державний університет, 2012. – 107 с.

Дата надходження до редакції 19.10.2016

LITERATURA

1. Hrais H.P. Lohyka y rechevoe obshchenye / Herbert Pol Hrais // Novoe v zarubezhnoi lynchvystyke: Lynchvystycheskaia prahmatyka. – M., 1985. – Vip. 16. – 316 s.
2. Kobiakova I.K. Kreatyvne konstruiuvannia vtorynnykh utvoren v anhlomovnomu dyskursi / Iryna Karpivna Kobiakova. – Vinnytsia : Nova knyha, 2007. – 128 s.
3. Kocherhan M.P. Osnovy zistavnoho movoznavstva / Mykhailo Petrovych Kocherhan. – K. : Akademiia, 2006. – 424 s.
4. Manakin V.M. Pro “semantychni pryimityvy” ta etalony porivniannia v zistavnomu movoznavstvi / Mova. Liudyna. Svit. Zbirnyk naukovykh statei do 70-richchia M.P. Kocherhana / vidp. red. O.O. Taranenko– K. : Vyd. tsentr KNLU, 2006. – S. 204–212.
5. Shvachko K.K. Vvedenye v sravnytelnuiu typolohiyu anhlyiskoho, russkoho y ukraynskoho yazikov : uchebnoe posobye dlia studentov pedahohycheskykh ynstytutov y fakultetov ynostrannykh yazikov / K.K. Shvachko, S.A. Shvachko, P.V. Terentev, T.H. Yanukian. – K. : Vyshcha shkola, 1977. – 117 s.
6. Shvachko S.O. Siaivo zabutykh sliv : monohrafiia / Svitlana Oleksiivna Shvachko. – Sumy : Sumsnyi derzhavnyi universytet, 2012. – 107 s.